

Двухэтажный дом Чуковского со множеством окон, застекленной верандой внизу и большим балконом наверху стоял среди высоких темных сосен позади фруктовых деревьев и огорода. Зеленые деревянные ворота были открыты. Наш “ЗИМ” свернул на подъездную аллею, и Чуковский сразу же вышел встречать нас. Он радушно поздоровался с Фростом на беглом английском, произведя на нас впечатление своим импозантным видом.

Ясноглазый худощавый человек с прямыми седыми волосами и озорным юмором, он в том году провел три майские недели в Англии. Он был лауреатом Ленинской премии, и Оксфордский университет присудил ему почетную докторскую степень. Кто-то добродушно сострил, что, хотя Фросту Оксфордский университет присудил докторскую степень в 1958 году, на четыре года раньше, чем Чуковскому, зато Чуковский стал доктором в восемьдесят лет, а Фрост — в восемьдесят четыре. После того как мы ненадолго заглянули в детскую публичную библиотеку рядом с его домом, Чуковский, этот знаменитый литературовед и детский поэт, облачился в красно-серую оксфордскую мантию и, по его собственному выражению, пустился в пляс, как скоморох. Они с Фростом предались воспоминаниям об Англии, и Фрост, шутливо выставляя напоказ фирменное вермонтское скупердядство, заметил, что присуждение степени ему было, конечно, приятно, но вот на балахон он денег пожалел.

Прогулявшись по саду, мы удалились в кабинет Чуковского на втором этаже, а его невестка тем временем занималась ужином. Распорядительницы, разумеется, приехали с нами. Чуковский пригласил писателя Макса Поляновского, поэта Степана Щипачева, критика и ученого Юлиана Оксмана. Щипачев, седой лирический поэт с тихими манерами и природным обаянием, побуждавший своих более молодых коллег к экспериментаторству, в то время возглавлял